

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Джорджио Агамбен: Homo Sacer

Цель: ознакомиться основополагающими понятиями философии Джорджио Агамбена, такими, как homo sacer и исключение.

Ключевые слова: жизнь, homo sacer, исключение, био-власть, право, закон, potestas.

Составители антологии «Теория литературы» Джулия Ривкин и Майкл Райан включили в свое издание введение и первый параграф под названием «Парадокс суверенитета» книги итальянского философа Джорджио Агамбена «Homo Sacer», опубликованной в 1998 году. Содержание сегодняшней лекции раскрывает такие основополагающие понятия его философских построений, как homo sacer и исключение.

«Голая жизнь»

У древних греков не было специального слова для обозначения того, что мы подразумеваем под словом «жизнь», пишет Д. Агамбен. Они использовали два понятия, которые, хотя и исходят от общего этимологического корня, семантически и морфологически различны: zoe, выражающий простой факт жизни, общий для всех живых существ (животных, людей или богов), и bios, который указывал на форму или способ жизни, свойственный человеку или группе. Когда Платон упоминает в «Филебе» три вида жизни, а Аристотель в «Никомаховой этике» отличает созерцательную жизнь философа от жизни для удовольствий и от политической жизни, они не использовали термин zoe (не имеющий формы множественного числа). Это следует из простого факта, что предмет рассуждений обоих мыслителей составляла не простая естественная жизнь, а скорее связанная с публичной и производственной деятельностью, особый образ жизни.

В античном мире простая естественная жизнь исключается из полиса (города, публичности) и рассматривается как просто репродуктивная жизнь, ограниченная сферой дома. И когда Аристотель определял цель идеального сообщества, простое бытие, биологическую жизнь он противопоставляет жизни в ее политическом измерении.

Мишель Фуко отмечает, что, когда в начале современной истории, нового времени естественная жизнь начинает включаться в механизмы и расчеты государственной власти, политика превращается в биополитику. Фуко утверждает, что «порог биологической современности» общества находится там, где человеческий вид вообще и человек в частности становятся главной ставкой в политических стратегиях власти, которая рассматривает индивида всего лишь как живое тело.

Начиная с 1977 года в лекциях в College de France, отмечает Д. Агамбен, внимание уделяется процессу перехода от «территориального государства» к «государству населения» и тому, что вследствие этого биологическая жизнь и здоровье нации стремительно обретают все большее значение как предмет внимания суверенной власти.

Этот процесс сопровождается посредством использования самых изощренных политических технологий. Впервые в истории возможности общественных наук получают широкое распространение, и появляются возможности как защитить жизнь, так и оправдать принесение ее в жертву. В частности, развитие и триумф капитализма были бы невозможны, с этой точки зрения, без дисциплинарного контроля, достигнутого новой биоэнергетикой, которая с помощью ряда соответствующих технологий, так сказать, создала «послушные тела», в которых она нуждалась.

Только в рамках рассмотрения биополитического поля можно решить, следует ли отказаться от понятий, на оппозиции которых основана современная политика (правые/левые, частные/государственные, абсолютизм/демократия и т. д.). Эти понятия, постепенно размываясь, находятся сегодня в зоне неразличения, или, наоборот, со временем обретают утраченный смысл. И только исследование, вслед за Фуко и Беньямином, связи между «голой жизнью» и политикой, связи, которая незримо управляет современными идеологиями, позволит вывести политику на чистую воду и, в то же время, связать идеи с практикой.

Джорджио Агамбен предпринимает исследование скрытой точки пересечения юридическо-институциональной и биополитической моделей власти. Он убежден, что анализ этих двух моделей не может быть разделен и что включение «голой жизни» (zoe, биологического,

физического тела) в политическую сферу представляет собой первоначальное – пусть и скрытое – ядро суверенной власти. Можно даже сказать, что производство биополитического тела – это изначальная деятельность суверенной власти. Помещая биологическую жизнь в центр своих расчетов, современное государство лишь обнаруживает тайную связь, объединяющую «голую жизнь» и власть.

Политизация «голой жизни»

Если это так, то необходимо пересмотреть смысл аристотелевского определения полиса как оппозиции жизни вообще и правильной жизни, в частности. Оппозиция, по сути, одновременно включает «голую жизнь» в политически квалифицируемую жизнь. То, что еще предстоит выяснить в определении Аристотеля, – это не просто способы и возможные артикуляции «благой (правильной) жизни» как сферы политического. Агамбен ставит принципиальный вопрос: почему западная политика строится на исключении из себя (которое одновременно является включением) «голой жизни».

Структура исключения представляется с этой точки зрения созвучной западной политике. В заявлении Фуко, согласно которому человек был для Аристотеля «живым животным с Дополнительной Способностью к политическому существованию», именно в значении этой «дополнительной способности» кроется суть проблемы. Своеобразная фраза «рожденный для реальной жизни, но фактически существующий ради благой (правильной) жизни» может быть прочитана не только как включение «рождения» в «существование», но также как включение исключения «голой жизни» (т. е. биологической) из полиса, словно политика есть место, в котором «голая жизнь» должна превратиться в «благоую/праведную жизнь», и словно «голая жизнь» – это то, что должно быть политизировано.

В политизации «голой жизни» решаются гуманитарные проблемы современного человечества. Фундаментальная категориальная пара западной политики – это не оппозиция друг/враг, а «голая жизнь»/политическое существование, *zoe/bios*, исключение/включение.

Агамбен посвящает свой труд исследованию «голой жизни», то есть жизни *homo sacer* (человек священный, святой), которого можно убить, но нельзя принести в жертву. Он намерен утверждать фундаментальное значение этой жизни в современной политике. Неясная формула древнего римского права, в которой человеческая жизнь включена в юридический порядок именно в форме его исключения (права забрать его жизнь), таким образом, предложила ключ, с помощью которого не только священные тексты суверенной власти, но и сами скрытые коды политической власти раскроют свои тайны. В то же время это древнее значение термина *sacer* есть загадка сакрального характера, термин, который вне религиозного прочтения представляет собой первичную парадигму политического пространства Запада.

Тогда придется, убежден Д. Агамбен, скорректировать Фуко или завершить тезис о том, что характеризует современную политику, – это не столько включение жизни в полис и не факт того, что жизнь как таковая становится главным объектом прогнозов и расчетов государственной власти. Вместо этого решающим является тот факт, что вместе с процессом исключения везде становится правилом, что пространство «голой жизни» постепенно начинает совпадать с политическим пространством, когда исключение и включение, внутреннее и внешнее, *zoe* и *bios*, фактическое и юридическое оказываются в зоне абсолютной неразличимости.

Исключительное положение (например, введенное чрезвычайное положение) или состояние исключения, исключив «голую жизнь» и в то же время захватив ее установленным порядком, фактически представляет собой скрытую основу, на которой покоится весь политический механизм.

Отсюда и специфическая апория современной демократии: она стремится найти свободу и счастье людей в том самом пространстве – «голой жизни», – которое ознаменовало их подчинение. За долгим, раздираемым конфликтами процессом, который приводит к признанию формальных прав и свобод, стоит тело священного человека с его двойственным суверенитетом, его жизнью, которая не может быть принесена в жертву, но, тем не менее, может быть отнята.

Осознание этой апории – это не умаление завоеваний и достижений демократии. Это скорее попытка понять раз и навсегда, почему демократия в тот самый момент, когда она, наконец, одержала победу над своими противниками и достигла своей наибольшей высоты, оказалась неспособной спасти от беспрецедентного краха жизнь (zoe), счастьем которой она посвятила все свои усилия.

Упадок современной демократии и постепенное ее сближение с тоталитарными государствами в постдемократических обществах вполне могут содержаться в этой апории, которая знаменует собой начало современной демократии и вынуждает ее к соучастию с самым непримиримым врагом.

Сегодня политика не знает никакой ценности, кроме жизни, и до тех пор, пока противоречия, которые подразумевает этот факт, не будут разрешены, нацизм и фашизм, которые превратили решение вопроса о «голой жизни» в высший политический принцип, будут оставаться с нами.

Идея внутренней солидарности между демократией и тоталитаризмом, которую со всей осторожностью продвигает Агамбен, не является историографическим утверждением, которое санкционировало бы ликвидацию и выравнивание огромных различий, характеризующих их историю и их соперничество. Тем не менее, эта идея должна прочно сохраняться на историко-философском уровне, поскольку только она позволит ориентироваться в новых реалиях и непредвиденных конвергенциях конца 2-го тысячелетия. Только эта идея позволит расчистить путь для новой политики, которую во многом еще только предстоит изобрести.

В определении Карла Шмитта, данном им суверенитету («Сувереном является тот, кто принимает решение об исключительном положении», т. е. чрезвычайном положении), речь идет о пограничном понимании учения о праве и государстве, в котором суверенитет граничит со сферой жизни и становится неотличимым от нее. До тех пор, пока форма государства являлась основополагающей для всей общественной жизни, а политические, религиозные, юридические и экономические доктрины, поддерживавшие эту форму, были по-прежнему сильны, эта «самая отдаленная сфера» (суверенитет) не могла быть действительно освещена. Проблема суверенитета сводилась к вопросу о том, кто в рамках политического порядка наделен определенными полномочиями, а сама основа политического строя никогда не ставилась под сомнение.

Парадокс суверенной власти

Парадокс суверенной власти заключается в том, что суверен одновременно находится вне и внутри правового порядка. Если суверен есть тот, кто наделен властью объявлять чрезвычайное положение и, тем самым, приостанавливать порядок действия права, то он «стоит вне пределов правовой системы и, тем не менее, находится в ней, поскольку именно он наделен правом решать, что действие Конституции будет приостановлено». Так, обладая юридической силой приостанавливать действие закона, он юридически ставит себя вне закона. Этот парадокс можно сформулировать следующим образом: «Закон находится вне самого себя», или: «Я, суверен, находящийся вне закона, объявляю, что положения вне закона нет».

Топология, подразумеваемая в этом парадоксе, заслуживает размышления, поскольку степень, в которой суверенитет обозначает предел правовой системы, станет ясной только после того, как будет понята структура парадокса. Шмитт представляет эту структуру как ситуацию чрезвычайного положения.

Исключение составляет то, что не может быть включено; оно не поддается общей кодификации, но в то же время раскрывает юридически формальный элемент: решение в его абсолютной чистоте. Исключение возникает в его абсолютной форме, когда речь идет о необходимости создать ситуацию, в которой правовые нормы могут быть действительными. Каждая общая норма требует регулярных, повседневных жизненных отношений, к которым она может быть фактически применена и которые подчинены нормам права. Норма требует однородной среды. Эта фактическая закономерность – не просто «внешняя предпосылка», которую юрист может игнорировать; скорее, это относится к имманентной действительности

правила. Нет норм, применимых к хаосу, и потому порядок должен быть установлен для юридического смысла.

Необходимо установить порядок, и только тогда правовая система будет иметь смысл. И суверен – это тот, кто решает, действительно ли этот порядок или состояние нормы установлены. Каждое право есть «ситуативное право». Суверен создает и гарантирует ситуацию как в качестве целого в его полноте. Он обладает монополией на окончательное решение. В этом состоит суть государственной суверенной власти, которая, следовательно, должна быть юридически определена не как монополия на санкции или правление, а как монополия на принятие решения. Это решение о введении чрезвычайного или исключительного положения наиболее четко раскрывает сущность государственной власти. Здесь решение следует отличать от правового регулирования, и (как это ни парадоксально) власть доказывает, что для создания закона ей не нужен закон.

Исключение более интересно, чем обычный случай. Последнее ничего не доказывает; исключение доказывает всё. Исключение не только подтверждает правило; правило как таковое живет только благодаря исключению.

В ситуации исключения речь идет, согласно Шмитту, об условии действительности правовой нормы и, наряду с этим, о смысле самой государственной власти. Посредством чрезвычайного положения суверен «создает и гарантирует ситуацию», которая необходима закону. Но какова эта «ситуация» и ее структура, если она состоит не в чем ином, как во временном прекращении нормы закона? Противостояние между позитивным законом и исключением из него демонстрирует особый статус исключения. Исключение является элементом права, которое выходит за рамки позитивного права «в форме его приостановления». Только потому, что действительность позитивного закона приостановлена в ситуации исключения, закон может «определить нормальную ситуацию как область своего собственного действия».

Исключение

Исключение является своего рода изъятием. Из общего правила исключается, изымается отдельный случай. Но самая правильная характеристика исключения состоит в следующем: то, что исключено из нормы, не оказывается вне нормы. Напротив, то, что исключено, сохраняется, присутствует в норме в форме приостановления ее, нормы, действия. Норма выражается в исключении таким образом, что она сама временно не применяется, на время приостанавливается, т. е. происходит изъятие самой нормы. Так, чрезвычайное положение является не хаосом, а скорее ситуацией, возникшей в результате приостановления порядка.

Эта ситуация не объективный факт, поскольку она создается только путем приостановления действия нормы. Но по той же причине она не является правовым случаем, даже если и открывает возможность применения закона. Это окончательный смысл парадокса.

В суверенном исключении речь идет не столько о контроле или нейтрализации некоего избытка, сколько о создании и определении того самого пространства, в котором юридически-политический порядок может иметь правовую силу. В этом смысле исключение является фундаментальной локализацией, которая не ограничивается различием того, что находится внутри, от того, что находится снаружи. Но вместо этого устанавливает между ними границу, на основании которого внутреннее и внешнее вступают в те сложные топологические отношения, которые делают возможной действительность порядка.

Поскольку «нет нормы, применимой к хаосу», то хаос сначала должен быть включен в правовой порядок через создание зоны неразличимости между внешним и внутренним, хаосом и нормальной ситуацией, т.е. создание состояния исключения или чрезвычайного положения. Таким образом, отношение исключения просто выражает изначальную формальную структуру правового отношения.

В этом смысле суверенное решение об исключении – это изначальная политико-правовая структура, на основе которой то, что входит в правовой порядок и что исключается из него, приобретает свое значение. В своей архетипической форме чрезвычайное положение есть основа любой правовой локализации, так как только оно открывает пространство, в котором

становится возможным совмещение установления определенного правового порядка и конкретной территории.

В наше время, излагает Агамбен один из главных своих тезисов, чрезвычайное положение все больше выходит на передний план как фундаментальная политическая структура и, в конечном итоге, начинает становиться правилом. Когда наш век попытался предоставить чрезвычайному положению постоянную и видимую локализацию, результатом стал концентрационный лагерь. Концлагерь, а не тюрьма, – это пространство, которое соответствует этой изначальной структуре номоса (порядка). Это подтверждается, в частности, тем фактом, что, хотя тюремное право представляет собой лишь определенную сферу уголовного права и не выходит за рамки обычного правового положения, которым руководствуется, однако лагерь существует по законам военного и осадного положения.

Как абсолютное пространство исключения, концлагерь топологически отличается от простого пространства заточения. И именно это пространство исключения, в котором связь между локализацией и упорядочением окончательно нарушена, определило кризис старого «номоса земли», т. е. взаимосвязь пространства земли и людей.

Суверенное исключение

Суверенное исключение является предпосылкой правового отношения в форме ее приостановки. В каждую норму, которая нечто предписывает или запрещает (например, запрет убийства), вписана в качестве предполагаемого исключения чистая и не подпадающая под санкции ситуация, при которой позволено нарушение этой нормы (например, в приведенном примере убийство не как природное насилие, а как суверенное насилие во время чрезвычайного положения).

Суверенное исключение представляет собой еще один аспект: оно смещает контраст между двумя юридическими требованиями в предельную связь между тем, что находится внутри, и тем, что находится вне закона.

Вот почему суверенная власть представлена Шмиттом в виде решения об исключении. Здесь решение не является выражением воли субъекта, иерархически превосходящего все остальные, а скорее представляет собой включение в структуру порядка того, что оживляет его и придает ему смысл. Суверен решает не вопрос о законном и незаконном, а об изначальном включении живых в сферу права или, по словам Шмитта, формирует «нормальное структурирование жизненных отношений», в которых нуждается закон.

Закон имеет регулятивный характер и является «правилом» не потому, что он повелевает и запрещает, а потому, что он должен, прежде всего, создать пространство своего собственного действия в реальной жизни и нормализовать ее.

Показателем захвата пространства жизни со стороны права является не санкция, а вина. Она относится не к преступлению, то есть к определению законного и незаконного, а к самой силе закона, к возможности закона быть примененным ко всякой оговоренной законом ситуации. Это и есть конечная основа юридической максимы, чуждой всякой морали, согласно которой незнание нормы не устраняет вины. В невозможности решить, является ли вина основанием для нормы, или норма – основанием для вины, находит выражение ситуация неразличимости внешнего и внутреннего, жизни и права, которая характеризует суверенное решение об исключении.

Утверждение «Нет правила без исключения» должно быть понято буквально. Закон не имеет ничего, кроме того, что он в состоянии захватить и включить внутрь себя посредством включающего исключения. Он питает себя этим исключением и без него является мертвой буквой. В этом смысле закон действительно «не существует сам по себе, но имеет свое бытие в самой жизни человека». Суверенное решение отслеживает и время от времени обновляет эту границу неразличимости между внешним и внутренним, исключения и включения, *nomos* (закон) и *physis* (природа), в котором жизнь изначально исключена законом.

В следующей лекции мы рассмотрим возможности использования исторического подхода при анализе художественного произведения на примере трагедии Шекспира «Король Лир».

Книга: Теория литературы: Антология, том III

Лекция: 22. Джорджио Агамбен: Homo Sacer

Вопросы для закрепления темы:

1. Как форма чрезвычайного положения позволяет определить структуру права?
2. Какова природа исключения из норм права и как оно позволяет определить границы права?

Литература:

1. Agamben Giorgio. «Introduction» and «The Paradox of Sovereignty»// Homo Sacer. – Stanford: Stanford University Press, 1998. – P. 1-29.